

ЭМИЛЬ И ЭМИЛИЯ

Часть первая – вторая депортация

Эмиль – трубач русского военного оркестра царского полка, перед отправкой на Дальний Восток, прибыл на побывку в родное село Сорочень, на Житомирщину. Отец, трудолюбивый немецкий колонист, пригласил на радостях соседей-хуторян на вечер.

Вечер получился с продолжением. Там Эмиль влюбился в самую красивую хуторянку в округе, во фрейлин Шилленберг, в прекрасную и несравненную Эмилию.

Ее голубые, чистые и глубокие, как карельские озёра, глаза могли утопить любого. Талия, как у пчелы. А кудряшки у виска сводили с ума. Не думать о ней Эмиль не мог, не умел и не хотел. Оба могли красиво говорить по-немецки, по-польски, по-украински и по-русски.

Свадьбу сыграли тут же. Осенью. В 1916 году. Эмиль и Эмилия! Как они танцевали вальс! У зрителей голова кружилась.

Вся колонистская округа радовалась этой красивой паре, и на шумной свадьбе желали молодым здоровья, счастья, богатства, успехов, много любви и много детей. Молодые не могли надышаться друг на друга, ходили, как дошкольники, крепко взявшись за руки, или она держала его под руку, как будто они всё ещё шли по церкви после венчания. Люди провожали их добрым взглядом. Голубки да и только!

После свадьбы, полк Эмиля из Житомира, отправился в далёкую Сибирь – в Иркутск.

Молодая жена осталась дома. Сразу после первого письма истосковавшаяся жена одна поехала к мужу на край света, на дальний-дальний восток. Там у них родились первенцы – дочь Линда и сыночек Альфред.

Эмиль был видный парень. Красавец-мужчина, в военной форме музыканта, высокий, стройный, со светло-голубыми глазами, с лихими гусарскими усиками и с сигарой во рту, сводил с ума всё дамское общество. Он был очень аккуратный, весёлый, имел много друзей, любил ходить с оркестром по балам, умел красиво танцевать, сапоги его всегда были начищены до невероятного блеска. Кроме жены, Эмиль очень любил музыку и свою звонкую трубу.

Эмиль был музыкант от Бога, играл на трубе в духовом оркестре. Бывало, выйдет на крылечко, сыграет такой призывной марш, что полгорода высыпет на улицу, как горох. Толпой люди умоляли поиграть ещё. Кланялись.

После революции, большевики распустили царскую армию и молодая семья сквозь пламя гражданской войны со многими приключениями вернулась на Житомирщину. Постоянные сквозняки в дороге и зверский холод сделали своё дело: маленький Альфред простыл, заболел трахомой, начал неправильно развиваться: стал инвалидом, – имел большую голову и живот и тонкие руки и ноги.

Наконец, возвратились они на родину, в немецкую колонию Сорочин, что недалеко от Пулина.

В селе было 640 дворов, к нему причислялись хутора Сорочанка, Людвиговка и Ушичная. Поселились они у его младшего брата. Жили в просторном доме. Крылечко было посередине, на одной половине жила семья Эмиля, на другой – его брат Рихард с молодой женой Марихен.

Работали братья от зари до зари. Завели лошадь, корову, поросят, гусей, кур, уток. Спали на железных кроватях с соломенными матрасами. Все подушки и одеяла-перины были сделаны Эмилией из птичьего пера.

Небольшой сад служил хорошим подспорьем. Летом детвора всегда могла полакомиться абрикосами, сливами, вишней, яблоками. Пирог и вареники с вишнями были любимыми блюдами ребятишек.

Пашня и огород находились рядом и кормили семью. Все без устали трудились в поле. Выпальвали сорняки, окучивали, поливали, собирали урожай.

Земля будто чувствовала заботу и бережное хозяйское отношение к ней. Урожай были обильные: Картошка, лук, помидоры, огурцы, морковь, свекла, подсолнухи... Огородных запасов семье хватало до следующего урожая. Излишки продавались на рынке.

Пашня обеспечивала кормом всю живность. Просо, ячмень, овёс, кукуруза поднимались, как на дрожжах. В результате братья стали жить не хуже других, а может ещё и лучше.

Эмилия сама обшивала всю семью – маленьких и больших. Научила всему детей. Все умели шить, варить, вести хозяйство. Роберту и Марихин Бог детей не давал, а у Эмиля и Эмилиии ребятишки рождались каждые два года. Райнгольд, Эдмунд, Адалина, Эрвин... Здоровенькие и хорошенькие. Родители были счастливы.

В соседнем хуторе Пускин, жили родители Эмилиии. Однажды её мама пришла к дочери помочь в хозяйстве и погостить. Но вдруг неожиданно заболела и скоростижно умерла в их доме. Этим же летом утонул её брат.

Жили своими заботами. Новости из центра доходили к ним уже устаревшими. Но пламя революции продолжало где-то гореть. Только интересоваться этим времени не было: работы на селе всегда много,

спать некогда. Но новые порядки докатились и до их тихой колонии.

В первую очередь советская власть запретила веру в Бога. В их церкви открыли ветеринарную лечебницу. Молитвенный дом переделали под клуб. Хуторскую систему ликвидировали, как неперспективную. Сёла стали объединять, началась коллективизация.

По дворам с маузером в руках ходили ленивые, полупьяные, босоногие активисты и матерились. Новая власть ломала каменные дома колонистов, их добротные конюшни, коровники. Ломали всё, что было построено из кирпича: строили новую хмелесушилку. Люди тайно резали и продавали скот. Попавшихся, расстреливали в собственном дворе.

Хозяйский дух оптимизма в колониях был сломлен. Коровы бедноты паслись в огородах бывших богатых, но те не смели их выгонять, не смели об этом и говорить.

«Мы не против колхоза, только не в нашей деревне», – думали крестьяне и учились держать язык за зубами. Продотряды отбирали последние продукты. После дождя мылись в тазах мягкой, дождевой водой, без мыла. От переживаний, голода и грязи заводились вши. Хлеб ели только по выходным.

С одеждой было совсем плохо. Появилась новая национальная одежда – фуфайка.

Коллективизация сопровождалась слезами, воем, расстрелами.

Кормилицу-корову пришлось добровольно-принудительно сдать в колхоз. Землю тоже отобрали, и семья из восьми человек – шесть детей, двое взрослых – стала голодать.

Прокормиться становилось всё труднее, и нос Эмиля пошёл вниз. Характер от нужды стал портиться. Он стал вспыльчивым, раздражительным. Детей воспитывал по-военному – пинками, где застанет и куда попадёт.

Где много детей, там нищета. В деревнях начался небывалый голод. Вымирали целыми семьями и сёлами. Молодёжь гибла на фронтах. Работать было некому – всё зарастало бурьяном.

Разруха и голод хозяйничали в стране. Умирали от истощения за столом, в постелях. Чтобы не было эпидемий, умирающие сами спускались в погреба и ложились к уже умершим. Молили Бога об избавлении. Погреба были полны мертвецами. Исхудавшие, высохшие, как мумии, мёртвые лежали в домах. Хоронить некому. Живые были как тени и ждали голодной смерти. Смертный смрад стоял в сёлах – в когда-то самых богатых местах земли. Теперь сёла стояли мёртвые. Пустующие дома заселялись беженцами. В вымершие сёла переселяли провинившихся из других мест, чтобы они обрабатывали землю. Началось переселение народов.

Эмиль с семьёй тоже перебрался в соседний, большой Пулин. Полтора года прожили там. Эмилия устроилась в школе уборщицей. Старшая дочь Линда часто помогала ей.

Однажды Линда шла по улице в своём бедном латаном платье, как всегда, босиком. её окликнула на дороге какая-то незнакомая женщина:

– Девочка, ты такая бедненькая, пойдём ко мне, я тебе подарю пару своих платьев. Они мне уже всё равно малы, а тебе в самый раз будут, – сказала она.

И Линда пошла. Когда зашли в дом, в нос девочке ударил странный запах. Женщина прошла в комнату, и через открытую дверь Линда увидела на столе человеческие детские отрезанные руки, ноги и отдельно – пальцы. Она повернулась, высочила на улицу и, не чуя ног под собой, быстрее ветра понеслась домой. Ей повезло. Прибежала вся в слезах. Руки и ноги дрожат. Рассказала матери. Эмилия подтвердила, что такое бывает.

– Сама слышала от людей, что есть где-то целые подпольные цеха, где убивают людей, делают из них студень и пирожки с мясом. И всё это продают в городе на базаре. Наживаются таким образом. В городе пропадают люди, в основном молодые, а в пирожках, в мясе, иногда находят человеческие ноготки. Это целая банда орудует и надо быть очень осторожным. Милиции говорить нельзя – там тоже их люди. На улицу больше не ходи и никому больше об этом не говори, а то они и тебя убьют, – сказала Эмилия. – Как сохранить детей в такое время? – вздохнула она. – Давай помолимся, Бог защитит!

Людской водоворот набирал обороты. Одних голод гнал из насиженных мест. Другие бежали из колхозов. Третьи боролись, отстаивая своё добро.

Шёл 1934 год. Тогда революционные власти приняли новую политику «красного террора» – физического истребления и вечного выселения кулаков, верующих и несогласных. Комиссары ходили по улицам и считали дома. Жители каждого десятого дома выселялись. Мужчин сажали в тюрьму.

Каждого, кто нанимал помощника, назывался кулаком. Хотя «кулак» спал на соломе и жил чуть ли не в землянке. Он всё делал сам, ковал, плотничал, шил и прочее. Семья, как правило, была у него большая, сам в поле с семьёй сажал, косил, жал и молотил. Машины прикупал. Сам машины чинил, копейку не разбрасывал. Работал больше наймита, но он считался эксплуататором, раз нанимал помощников. Тысячи обречённых трудяг, с мозолистыми руками, безвинных и раскулаченных, стали высылать в Пулин. На местах оставляли только вступивших в партию и бедноту.

На десять семей давали одну подводку для вещей, детей и больных. Остальных кормильцев матушки-России гнали, как скот.

Некоторых возмущённых и непокорных колонистов – теперешних кулаков – красноармейцы прикладами заставляли идти на коленях. Через некоторое время их ноги превращались в кровавое месиво. Они не могли даже стоять.

Высланных согнали в детский сад. Там был сборный пункт. Одну комнату с игрушками, закрыли на замок, в других разместили людей. Эмиль и Эмилия с семьёй тоже попали туда.

На улице было много военных. В саду у них стоял большой котел, в котором солдаты варили суп. Запах от него вскружил всем голову. Малышня, шантрапа всякая, шныряла повсюду. Свои, чужие – не уследишь. Они где-то раздобыли котелки – и к солдатам.

Повар-солдат навалил в котелок огромный черпак. Так что малыш еле мог нести. Все семьи радовались и звали малышей кормильцами. Они были счастливы. Солдатский суп был очень вкусный. С макаронами и тушёной. Немцы макароны ещё никогда в глаза не видали, они всегда варили самодельные «шеркен». Так все вместе, как цыгане, и жили. А через стенку был детский сад, днём там местные дети были, а ночью комнату закрывали на замок. Вечера были длинные, осенние. Электричества не было. Радио никто ещё не слышал и не видел. Вечера коротали за горькими размышлениями и беседами.

Жильё освещали лучиной, свечкой или, в лучшем случае, лампой-коптилкой. Чтобы не так скучно было, по вечерам развлекали друг друга разными весёлыми или страшными историями. На это тоже свои мастера были. То ли врут, то ли правду говорят, никто отличить не может. А мелюзга всякая тут же первая. Сидят, слушают, рты пооткрывали. Истории с продолжением каждый вечер становились интереснее. Днём уже невтерпеж было вечера дожидаться. И вся толпа сидит не дыша, дети вперемешку со взрослыми, кто где устроился. А довольный рассказчик продолжает свою необыкновенную историю. Вдруг, за стенкой в детском саду как на железнодорожной станции, задвигался настоящий поезд. Паровоз гудит, с шумом пар выпускает. Колёса по рельсам стучат. Громко так, и всё это за тоненькой стенкой, рядышком, в детском саду. Все оцепенели. Так страшно стало. Все слышали – одновременно. Звуки чёткие. Наконец, старшие ребята посмелее, толкая друг друга, подкрались к стеклянной двери и заглянули вовнутрь. Там много всяких игрушек лежало. Разные машинки, человечки, кубики, куколки и поезд игрушечный стоял: красивый, как настоящий – рельсы, паровоз, вагончики.

Но все слышат, как он идёт. Всем ещё страшнее стало. Волосы на теле зашевелились. «Herz Welt!» Уже все дрожат. Что такое? Что такое? Мелюзга заплакала. Дверь взломали. Надо же посмотреть, что это такое. Ничего!!! Всё на месте. Все игрушки стоят, как стояли.

Ничего там страшного нет! А поезд шёл! Все слышали. Много ведь людей было.

Долго всех трясло, успокоиться не могли. Догадки строили. Многие настоящего поезда в глаза не видали и не слышали. Поэтому ещё страшнее казалось, что это за страшный зверь за стенкой является. Наконец, потихоньку успокоились, прижались потеснее и начали дальше байку слушать. Вдруг поезд снова пошёл, ещё громче, ещё чётче, ещё отчётливее звуки слышны. И так рядом, будто уже в их комнате проходит. Слышно было, как клацали буфера вагонов, как, прогибаясь, стонали рельсы. Громко колёса стучат и всё в такт: «Чух, чух, чух! Чух, чух, чух! Чух, чух, чух!» Загудел! Чуть паром не ошпарил. Ну как настоящий, только не видать. Но слышно! Все разом вскочили. Страх навалился нечеловеческий. Мурашки по телу разбежались. Руки, ноги отнялись. Дрожь проняла. Перепугались пуще прежнего. Дети рёв подняли. Взрослые опять в садик бросились. Ничего! А Эмилия с женщинами в сторонке молиться закончила и говорит:

– Das ist ein Zeichen! Это знак, знамение! Повезут нас куда-то на поезде – далеко-далеко! Я уже на поезде ездила, точно так же всё было. Так же колёса по рельсам стучали, и гудок такой же был.

Через пару дней собрали народ на этап, приехали подводы, семьи погрузили на телеги и повезли на вокзал. Народу на железнодорожную станцию согнали много. Было, как в муравейнике: кто кричит, кто плачет, кто смеется, кто крестится, кто молится. Кто устал от всего – лежал, скрестив руки и закрыв глаза. Когда народ собрали, погрузили всех в чёрные от паровозного дыма товарные вагоны-телятники. Там уже были деревянные нары. Кое-как разместились – поехали. Куда – никто не знает.

Ехали долго, страшно хотелось есть и пить. Вагоны были битком набиты народом. Открывали двери только раз в сутки, чтобы выкинуть мёртвых и набрать воды под надзором вооружённых охранников.

Место, где всех вышвырнули из вагонов в ночь, называлось Тунгуда, в 40 км от Белого моря и города Беломорска.

Карелия. Север. Снег. Промёрзшие озёра. Дремучий лес. Колючий ветер. Всю зиму – темнота. Солнца нет. Климат суровый, не то что на Вольни. Вечное поселение – для скорого вымирания.

Карельские берёзки маленькие, с бородавками, утолщениями, наплывами на стволе, перекрученные на ветру, давали колонистам молчаливый пример стойкости. Лишь бы в сердце тлела надежда, а в душе жил Бог. Он слышит политые слезами молитвы. Даёт силы просящим. Вера вселяет в души надежду. Надежда – силу. Библию сохранили все.

Без вины виноватые. Без родины. Без крыши над головой. Без будущего. Без всяких гражданских прав. О Германии вспоминать нельзя. Не раз повторял Эмиль тихонечко детям:

– Мы рюкзакойдойче. С одним рюкзаком наши деды в Россию пришли, с одним рюкзаком наши внуки вернутся в Германию. Всё, что мы нажили в мозолях, в поту, в слезах, в крови, останется «за так» в России. Останутся и наши могилы, лишь память о нас сохранили бы внуки! Ведь мы – их фундамент. Россия спасибо не скажет, а они? Внуки? Может, когда-нибудь в Германии вспомнят о нас и напишут книгу о наших страданиях? Дай Бог им счастья!

Родной язык запретили, и немцы картавили на русском. Униженные и обездоленные трудяги осваивали новые края. Всех людей как-то расселили в бараки – по нарам. Хорошо было тем, кто успевал занять место около печки. Крайним было хуже. За ночь, спящие примерзали к нарам. О лечении не было и речи. Людей актировали, как казённые вещи. Списывали с довольствия, вычёркивали из списка.

Над конторским крыльцом висел кровавый плакат: «Железной рукой загоним человечество к счастью!» А что это такое «счастье» уже многие забыли, наверное, оно уже было, это когда был хлеб, а ты не хотел есть. Кормили очень плохо, суп назывался «баланда». Хлеба давали совсем мало, постоянно хотелось есть. Младшенький сыночек Эрвин заболел корью и его положили в больницу. Сыпь по всему телу, весь в болячках, стонет – смотреть больно. Эрвин был на волоске от смерти, но выжил. Эмилия и Адалина ходили его навещать. Старшая дочь Линда оставалась дома с детьми.

Советская власть начала оформлять новые документы. Эмилия превратили в Емелю. Писарчук сказал, что истинное, сказочное, русское имя – это Емеля, а Эмиль – это пережиток проклятого буржуазного прошлого! Спорить не стали – опасно!

Емелю и других мужчин сразу забрали и увезли в посёлок «Летняя-1» на лесозаготовку. Лес нужен был для строительства Беломоро-Балтийского канала. Сталинская идея – братская могила длиной в 227 километров, заваленная человеческими костями замордованных каторжным трудом и голодом, соединяла Белое море с Онежским озером. В результате Москва становилась портом пяти морей. Страна крепла, а люди умирали от слабости.

Вечером в киножурналах показывали романтику и героизм на стройках промышленных гигантов: дымящиеся трубы фабрик, гудки белых пароходов, смеющиеся лица лесорубов-стахановцев, перевыполнявших норму для кино.

Лесоповал – это тяжёлый и опасный труд. Тракторов не было.

Брёвна вывозили на лошадях. Деревья пилили вручную, лучковой или двуручной пилой. Рабочий день без ограничения, пока норму не выполнишь. Лесорубы спали на делянках.

Со временем спецпереселенцам предложили самим строить себе жильё. Семья Отто (восемь человек) договорилась с семьёй Райнветер (четыре человека) построить дом на двоих. Сделали его в течение года. Это был двухквартирный бревенчатый дом. Квартиры однокомнатные. Пока его строили, семьи жили в Тунгуде. Помаленьку стали обживать.

Дети пошли в школу, но одеть было абсолютно нечего. Обуви нет, и Эмиль сделал школьникам обувку – «Klosen» – по-русски «трепы» – деревянная подошва, а сверху кожа. В них дети ходили в школу. Пока дойдёшь, ноги себе чуть не поломаешь: к деревяшкам налипал снег и получалось, что идёшь, как в цирке на ходулях. Потом, когда немножко обжились, Эмилия сшила всем бурки с лаптями – такие сапоги из ткани и ваты по принципу фуфайки. У кого детей было поменьше и были побогаче, бурки носили с галошами.

Весной всей семьёй раскорчевали участок под огород, посадили картошку. Затем Эмиль построил сарайчик. Купили козу, появилось своё молочко. Старшие мальчики завели кроликов, они быстро размножались. Почти каждое воскресенье ели крольчатину. Потом купили кур, и на столе чаще появлялась яичница. Затем, приобрели поросёночка.

Осенью – кормил лес. Собирали ягоды, заготавливали грибы, охотились, рыбачили на лебедином озере. Жить стало легче, жить стало веселее! Пока это всё осилили, Эмиль тяжело работал в тайге на лесоповале, но получал очень мало – 25 рублей в месяц. На ноги надеть нечего, обуви купить негде. И Эмиль отморозил себе в лесу обе ноги. Долго лежал в постели дома – больницы в посёлке не было. Эмилия лаской, заботой, молитвами поддерживала дух больного мужа. Часами читала ему Библию, рассуждала, убеждала, умоляла, плакала. Какой-то фельдшер приходил, чем-то мазал, но в конце концов, большие пальцы на обеих ногах Эмилю отрезали. Заживали раны долго, а больничные в то время не платили. Семья еле-еле сводила концы с концами. Все заботы, вся тяжесть легла на плечи жены.

Эмилия была кроткая, тихая, ласковая и мастеровая женщина, умела очень хорошо шить. Она познакомилась с местными карелами и финнами, и ей стали делать заказы на шитьё. Приходили даже из других деревень. Она работала днями и ночами. Спала возле своей машинки. К счастью они сумели привезти ножную швейную машинку «Зингер», она спасла семье жизнь. Очень помогло ещё то, что младший брат Эмиля – Райнгольд – оказался в Америке. На Украину иногда приходили от него письма. Райнгольд писал, что ещё в 1915 г. он разузнал у людей, где ходят большие грузовые корабли. Забрался на корабль и спрятался в пилотматериалах, а когда очень захотелось есть, вылез и признался во всём команде.

15-летнего худого и голодного парнишку команда приютила. Его помыли и накормили. В Америке он попал к хорошим людям, у них не было своих детей и его усыновили. Они его вырастили и женили. Детей Бог не дал. В 1938 году в Карелию пришло извещение, что Райнгольд в Америке овдовел, заболел и умер. После него остался дом, который власти продали и теперь ищут наследников, чтобы поделить и передать наследство. Прислали 200 американских долларов. Эмиль был в лесу. Эмилия с Линдой куда-то ездили за этими долларами и где-то обменяли их на рубли. Это была огромная помощь. Эмилия всех одела и обула в тёплую и недорогую одежду. Все были несказанно рады неожиданному спасению. Молили Бога за усопшего. Эмиль сказал, что смерть его брата спасла их всех от голодной смерти.

Но местные власти узнали, что в семье были доллары, и Эмиля начали таскать в милицию. По несколько дней его не бывало дома. Приходил заросший, злой, запуганный и угрюмый. Часто прятался, чтобы избежать встречи с людьми. Иногда говорил: «Если бы мы эти доллары не истратили на детей, я бы их им отнёс, чтоб отвязались».

Хоть и не молодые уже Эмиль и Эмилия, а всё ещё не могли наглядеться друг на друга. Когда они шли по улице, шептались, как в молодости. Они ходили так же, как раньше, крепко взявшись за руки, или она держала его под руку, как будто шли по церкви на венчание. Люди провожали их добрыми взглядами. Трудно вам, голуби! А вы, как птенчики!

Тем временем в Карелии за четыре года в семье прибавилось ещё два братика. Места рождений получались, как у цыган: Линда и Альфред родились в Сибири, Райнгольд, Эдмунт, Эрвин и Адалина – на Вольни, Виктор и Володя – в Карелии. Детей в семье стало восемь, а с родителями – десять человек. У большой любви – большое гнездышко. Семья подрастала и крепла. Иногда после бани в стираной рубахе Эмиль выходил на своё ссыльное крылечко, подносил к губам свою трубу и журавлино-лебединая песня летела над сонными карельскими туманами.

Труба пела и плакала, вспоминала, тосковала и звала вперёд, разрывала душу. Старшая дочь Линда тоже брала свою старенькую гитару и концерт у крыльца собирал народ на праздник души и памяти. Сходились музыканты и зрители. Звучали в сумерках в полголоса немецкие песни. Эмилия без устали строчила за окном свою торопливую мелодию на швейной машинке «Зингер».

Всё родительское счастье в детях. А детям хорошо в отчем доме, когда там тихо, уютно, тепло и сухо. По вечерам собирались соседи на тайное собрание «Андахт». Изучали Библию, тихонько пели песни, молились, делились новостями. Негромко отмечали праздники – Рождество, Пасху. Учили детей, радовались друг за друга, крепили в вере.

17-летний сын Райнгольд легко и красиво рисовал, два-три штриха карандашом – и на белой бумаге появлялось лицо натурщика, передавался его характер и настроение. Фотография была редкостью, и он делал людям множество рисунков. Простые люди и ссыльные, красноармейцы и начальство, приходили к нему с просьбами. Художник никому не отказывал. Однажды, его рисунки увидел комендант, подивился, повосхищался и посоветовал ему учиться.

– Ты же талант, парень!

Люди коменданта уважали, Липнитский был хороший, добрый человек. Через некоторое время он принёс адрес. Вместе выбрали наиболее удачные рисунки и отправили в большом конверте за казённый счёт. Ответ пришёл удивительно быстро. В нём сообщалось, что в академии приятно удивлены самородным талантом молодого спецпереселенца. Несмотря на соцпроисхождение, Райнгольда Отто, в виде исключения, зачислили вне конкурса и без экзаменов на заочное отделение в Ленинградскую художественную академию. Тут же выслали программу обучения и задания за первый семестр. В конце учебного года он ездил в академию сдавать зачёты. Учился легко и хорошо.

Эйц, Эдик, хоть и маленький, а уже помощник. Научился лошаадьми управлять и в лесу отцу помогать. Вывозит лес на конной тяге. На санях между брёвнами его еле видно.

Красавица Адалина в 13 лет стихи наизусть знает, слова красивые в рифму складывает. Люди дивятся. Некрасивое – красиво скажет. Заслушаешься. Умница, не по годам.

Эрвин будет мастером. Из полена, кухонным ножиком, такие ложки выстрогает, что лучшего подарка во всей округе не найти.

Карельские малыши кроликов кормят, коз пасут – справляются.

Старшую дочь Линду, выдали замуж в 20 лет за Фрайгана, друга отца, и она ушла из дома. До замужества работала на железной дороге, клала шпалы, но её муж – Юлиус – был грамотным, добрым и состоятельным человеком. Он перетянул её в свою артель, и теперь она вязала кружева на дому. Он человек верующий, вдовец. В наследство ей досталось красивое синее платье с вышитой виноградной кистью на груди, под которой билось золотое сердце.

В новом двухквартирном доме, молодая семья Фрайган, подружилась с семьёй из соседнего житомирского села Солодыри: Эмилией и Асафом Шульц и их тихим сыночком Гельмутом. Было у них ещё два сыночка и дочка, да умерли. Умер и брат Эмили – Артур.

Погоревали вместе, поплакали, да делать нечего, надо дальше жить. Жили дружно и, как могли, весело. Чтобы не бегать по морозу вокруг дома в гости, мужчины пропилили в разделяющей их стенке дыру в бревне, и женщины выручали друг друга хлебом, солью и разговорами в длинные зимние вечера.

У Эмиля с Эмилией в семье осталось ещё четыре школьника и три малыша. Швейная машинка Эмили, не зная устала, продолжала строчить белыми ночами напролёт, а на заре, в дремучем лесу, повторяло эхо – стук топора Эмиля. Не вымерли. Обживались немцы на новых местах вечного поселения. Постепенно стали замечать красоту Карелии и влюбляться в этот суровый северный край, в белые ночи, в долгое эхо, в утренние туманы, в журавлиный крик, в лебединое озеро, в хрустящий снег, в чёрное небо, в белые снега, в огромные синие озёра, в свою голубую мечту.

И рождались в избитых душах прекрасные песни. Слова снежинками падали в сердце вместе с первым снегом, светились с весенним солнцем, с грибным дождём, с жёлтыми золотыми листьями.

*«В разных краях оставляем мы сердца частицу,
В памяти бережно, бережно, бережно встречи храня.
Вот и теперь, мы никак не могли не влюбиться,
Как не любить несравненные эти края?»*

*Долго будет Карелия сниться.
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озёр...»*

Но пришел 41 год...

ЭМИЛЬ И ЭМИЛИЯ

Часть вторая – третья депортация

Война

22 июня 1941 г. началась война. По ночам в небе страшно гудели самолёты.

В магазине сразу не стало хлеба. Немцев-мужчин стали забирать в тюрьму. Эмиля забрали тоже, но потом выпустили, так как семья у него была большая, и сам он был нездоров.

Высылать стали уже в начале июля. Утром приехали две телеги, погрузили всю семью. Эмилия из вещей взяла только постельное бельё, одежду и швейную машинку. Эмиль отрубил всем кроликам и курам головы и побросал тушки в мешок. В другие мешки набрал картошки и всё, что было в доме съестного. Всех эвакуированных ссыльных привезли на железнодорожный вокзал и погрузили в товарные вагоны. В вагонах, на станции, люди жили почти две недели. Съели всех кур.

Наконец, собрали немцев со всей округи в один эшелон и повезли в неизвестность. В вагонетельятнике уже были двухъярусные нары. В тесноте на нарах одна семья лежала над другой, как селёдки в бочке. Старые и малые. Больные и здоровые. Через две недели в такой обстановке люди начали болеть. Врачей в поезде не было. Лекарств тоже. Питание ненормальное, заболели животы. Все хотят в туалет. А туалета нет – есть параша – тяжёлое деревянное ведро, типа бадьи, и пристроили его возле нар, потому что свободного угла не было. Кругом нары, а на нарах люди. Если кому-то приспичит, то двое из семьи сидящего на параше держал тонкое одеяло вместо занавески. На это надо было смотреть два месяца. А запах какой... И так во всех вагонах.

Люди начали умирать, как мухи. Семья Эмиля попала в вагон на нижние нары, а над ними разместились семья, в которой было четверо детей: десяти- и двенадцатилетние девочки и шестимесячная двойня. Малыши заболели. Они кричали до хрипоты день и ночь. Все люди в вагоне молились, чтобы Бог прибрал их. Вскоре один умер. Его завернули в тряпки и везли, пока поезд на другой день не остановился. Пришёл часовой с винтовкой, открыл дверь вагона, но хоронить подальше от железнодорожных путей не разрешил. Бедные родители спустились с насыпи, выкопали ямку, положили туда без гроба этого малыша. Нарвали в поле цветов, обложили его в ямке, засыпали землей, поплакали и поехали дальше. Даже место не запомнилось. Вокруг лишь лес, болото, да телеграфные столбы. Люди в вагонах опухли от голода и слез, а начальник конвоя махал перед носом пистолетом, обзывал всех недобитыми фашистами, которых надо убивать, как бешеных собак.

Иногда поезд подолгу стоял на станциях, но вагоны были закрытые. Снаружи ходили часовые. Через несколько дней умер второй ребёнок у этих людей. Его похоронили также у железнодорожной насыпи на неизвестном километре. Примерно в конце августа поезд пришёл в Котлас. Из всех вагонов вытолкали людей и погнали к реке. Там всех перегрузили в огромные грузовые баржи-скотницы. В трюмах тоже были двухъярусные нары, посередине стояла сделанная из железной бочки круглая печка - «буржуйка». её так прозвали, потому что она пожирала много дров, но абсолютно не хранила тепло. Пока топишь – тепло, а сгорят дрова – сразу холодно. Народу в баржи загнали очень много. Потом пришёл колёсный буксирный пароход и потащил баржи вверх по реке. Тащил долго – целый месяц, в верховья реки Вычегды, до таёжного леспромхоза Усть-Нембаза. Прибыли туда в конце сентября, на берегу уже лежал снежок. Там всех погрузили на подводы и повезли 12 километров в лес, на пятый участок лесоповала, в бывший лагерь для заключённых. Его окружал шестиметровый бревенчатый забор, на каждом углу – вышки для часовых.

В лагере кругом валялись пустые, грязные бочки, всякий хлам.

В бараке на каждую семью дали одну комнату, посередине – знакомая «буржуйка». Эмиль, Райнгольд и другие мужики пошли пилить на дрова брёвна из этого забора. Натопили печку и стали греться и сушиться. На следующий день дали карточки в котлопункт и на хлеб. В котлопункте по карточкам наливали в котелок или в кастрюльку суп с комарами из турнепсных листьев и давали одну

ложку каши, хоть в ладошку, хоть в консервную банку. Хлеб давали по норме. Рабочим на сутки – 600 граммов, детям – 300, иждивенцам – 200 граммов. В котлопункт ходили всей семьёй, каждый со своей посудой. Все носили с собой ложку, мужчины – в нагрудном кармане, как сейчас носят авторучки. У многих она была самодельная, деревянная. Сначала из семьи ходил за питанием кто-то один. Но соблазн был большой. Он получал в котелок суп на всю семью, отходил в сторону и тут же жадно хлебал из котелка гущу, а жидкость приносил домой. Люди это видели, меж собою обсуждали. Голод разделил людей. Во всех семьях стали питаться отдельно. От недоедания все были истощены, росла подозрительность, недоверие.

Первым на новом месте в год приезда, умер младший брат Эмиля – Рихард, не дожив даже до 43-х лет. Похороны были каждый день. Всех выживших, вновь прибывших, определили на работу. Взрослых – на лесоповал, малолеток и доходяг – на подсобные работы. Эмиля увезли в лес. Райнгольда назначили нарочным – хлебозовом. Каждый день 18 километров туда и столько же обратно. Он таскал в рюкзаке на делянку лесоповала, из пекарни, для рабочих хлеб. Сам голодал, хоть и носил за спиной хлеб, но корки отломить не смел. За недостачу – тюрьма. Да и хлеб – это жизнь других. Разве можно?

Он очень уставал, выбивался из сил. Рюкзак тяжёлый, сил нет, времени тоже, в лесу ждут на обед хлеб. Он спешил. В конце апреля на севере в лесу ещё лежит снег по колено. Но дороги уже раскисли, ноги мокрые, обувь плохая. Однажды он очень вспотел и прилёг в лесу на снег отдохнуть. Простудился и получил двухстороннее воспаление лёгких. Всего неделю проболел и 5 мая 1942 года умер, в 19 лет. Самая главная надежда в семье умерла первой. Эмиль, Эмилия и все дети очень убивались.

– Была в семье одна шёлковая ниточка и та порвалась, – причитала Эмилия. Особенно плакал старший сын Альфред.

– Лучше бы я умер! – кричал он навзрыд.

Через три месяца, в этом же году, в августе, в 21 год умер Альфред. Он был с детства слабенький, инвалид, а тут – постоянное недоедание, сквозняки (лето было дождливое, сырое, холодное). Он простыл, тяжело заболел и, его не стало. В декабре не стало семилетнего Виктора. Он заболел бронхитом. Болел недолго – лекарств не было.

В январе умер от воспаления лёгких четырёхлетний Владимир. Семья таяла на глазах. Родительское сердце не выдерживало свалившегося горя. Глаза помутнели, запали, волосы поседел, лицо осунулось. Молодые выглядели, как старики. Кругом слышен стон, рыданье и слёзные-слёзные долгие молитвы. Невинные дети умирали первыми. Затем умирали здоровые огромные мужики. Они тяжело работали и им надо было много еды, а есть нечего. Они сгорали от работы и голода. Замерзали по дороге. Как в блокадном Ленинграде, тела, занесённые снегом, находили на лесных делянках. Спасти их было нечем, а горе пережить почти невозможно. Разум, сердце и нервы были на пределе человеческих возможностей. Организм работал на износ.

В декабре 42 года, семьи переехали из леса, с пятого участка, в посёлок Усть-Нембазу, что стоял на другом берегу реки в двух километрах от деревни Усть-Нем. В посёлке, семью Эмиля, из пяти человек: Эмиль, Эмилия, Эйц, Адалина и Эрвин – поселили в малосенькой кинобудке местного сельского клуба. Морозы были сильные. В день давали 400 граммов хлеба, черпак бульона и 20 граммов конского мяса. Потом, для поддержания жизненных сил, стали выдавать людям немолотый овёс. Из вещей, всё, что было, обменяли на еду и съели. Ночевали в плохо отапливаемом клубе. Ложились спать на нары прижавшись друг к другу. Всюду клопы и вши.

Люди раздевались у костра и трясли над огнём свою одежду. Клопы и вши падали в пламя и стреляли, как патроны от винтовки. Люди болели дизентерией, туберкулёзом, тифом, цингой, от которой на щеках появлялись синие пятна и зубы выпадали. Люди заваривали вереск, сосновые почки. Пили, приговаривая:

Чай! Чай! Выручай! Меня силой накачай!

Я от чая замечаю много силы получаю.

Если чаю не попьёшь, где же силушку возьмёшь?

Чай смакует жалкий раб, чай попил, – совсем ослаб.

Подкрашенный кипяток, поддерживал температуру тела. Дети всё равно простывали, болели и умирали, умирали, умирали....

Но взрослым болеть было некогда. Начальство торопило, у них свои заботы – планы. Шла война. Фронт требовал леса. Рабочим выдали старые солдатские одеяла. Их рвали на куски, обматывали ноги, получались дендюры. Ботинки были на деревянной подошве и промерзали насквозь. Но всех гнали в лес, на трёхсотый участок, 18 километров пешком. Пилили, пилили, пилили... Валили лес, выполняли норму.

Женщины и дети тоже работали, но недалеко от жилья. В марте 43 года, Эмилия с Адалиной пилили чурки для парового трактора. Вдруг, смотря, Эмиль идёт – шатается. Большой-большой. Еле живой пришёл с дальней лесной делянки. Был сильный мороз. Все лохмотья на нём промерзли насквозь, до самого тела. Замерзшая одежда не гнулась и стояла колом, как железные рыцарские доспехи.

Его раздели, напоили кипятком, растёрли тело снегом. Он как свалился в кровать, так больше и не

поднялся. Только попросил закурить, а нечего. Тогда послал он Эмилию к соседке обменять на сигарету свою реликвию, свою трубу. Эмиль высох, как щепка. У него был сильнейший кровавый понос. Дизентерия. Кушать вообще было нечего, лечить – тем более. Пайку съели на неделю вперёд. Голод. Эмиля накрыли одеялом и всеми тряпками, что были в доме. Силы покинули его, и он заснул. Эмилия просидела у его постели всю ночь. Утром она натопила печку и сварила луковый суп без соли, без картошки. Это было лучшее, что нашлось. Деликатес. Праздничное блюдо. Она послала детей будить Эмиля. Через минуту перепуганные дети сообщили, что он уже холодный.

Папа умер. Сплошной разноголосый, хриплый, страшный вой заполнил кинобудку. Страшно поверить в случившееся и не поверить невозможно. Как жить дальше? Поплакали, поплакали, помолились, да делать нечего. Слезами горю не поможешь.

Помыли его, а одеть-то совсем не во что. Как хоронить? Тогда Эмилия одела ему старые постиранные кальсоны. Завязала все верёвочки. Надела нижнюю рубашку. Но ноги – голые.

Она разрезала пополам свой чулок, сшила на швейной машинке концы, получилось два чулка. Натянула их на холодные, босые худые ноги, вроде, как одетый. Чулки привязали верёвочкой к коленям. Местный фельдшер поставил диагноз – порок сердца – и выдал свидетельство о смерти.

Так от холода, голода, болезней и переживаний, замученный рабским трудом, кротко умер в нищете отец семейства, бывший зажиточный немецкий колонист из Житомира Отто Эмиль Карлович. Трубоч, великолепный музыкант, с великосветскими манерами валил лес. Он был хороший столяр. От нужды и несправедливости зачерствело сердце, ослабло тело, устала душа. Обессилев, выменял он перед смертью свою трубу у местной комячки, которой очень понравилось как она блестит на последнюю в своей жизни сигарету. Отмучился Эмиль в 52 года, отгоревался, хоть и вины за собой не имел и в наследство ничего не оставил. Всё отобрали у него, даже жизнь.

На улице мороз 40 градусов. Как хоронить? Копать могилу людей не давали: все на работе в лесу. Как хочешь, так и поступай. Хоть так на кладбище вези и там оставь. Некоторые так и делали. Покойника увозили на кладбище на санках и там закапывали в снег, чтобы весной похоронить, когда земля оттаёт. А весной и косточек не находили – дикие звери съедали. Иногда обессилевшие люди забирали кресты на дрова, холмики потом сравнивались, и от человека никакого следа не оставалось. В такой мороз могилу копать невозможно: земля, как бетон. У Эмилии и детей не было сил копать. У них от голода и горя руки-ноги дрожат. Надо переждать. Несколько дней жили вместе с покойником. Эмиль лежал на единственной кровати. Места нет – спать было негде. Мёртвым нужен холод, а живым тепло. Решили: пока морозы не спадут, его поднимут наверх, на чердак кинобудки. Там была холодная комната. Легко сказать, да как это сделать? Лестница на чердак крутая, почти вертикальная. Как затащить наверх мёртвого мужчину слабой женщине, с маленькими детьми?! Но другого выхода нет. Эмилия взяла старую простыню. Эмиля переложили с кровати на простыню и всей семьёй потащили мёртвого отца и мужа на чердак. Дети – Эйц, Адалина и маленький Эрвин наверху, а Эмилия снизу.

Раз, два, взяли! Ещё раз, взяли! Когда уже почти вытащили его наверх, простыня лопнула и мёртвый, застывший Эмиль рухнул вниз на Эмилию. Все вскрикнули, и плач перешёл в рёв. Выли, как волки в тайге. Эмилия ушиблась, и сил больше не было ни у кого.

Теперь придётся его за руки и ноги тащить, а он весь окоченевший, тяжёлый. С плачем побежала Эмилия на улицу на мороз, по людям. Стала стучаться в дома, кричать и просить помощи. Наконец, она вернулась с каким-то скрюченным стариком. И все вместе кое-как затащили покойника наверх на чердак. Эмилия накрыла его порванной простыней, и так он лежал там, неделю или больше.

Потом спали морозы, выглянуло солнышко, заметно потеплело, но всё равно был ещё морозец задиристый. Эмилия пошла в контору, выпросила лошадь и гроб. Это был даже не гроб, а тара, обыкновенный грубо сколоченный щелястый ящик из нестроганого, мокрого горбыля. Доска с неошкуренной древесной корой не обрезанная по краям. Так иногда на скорую руку делали ящики для хранения картошки. В столярке этих ящиков много, впрок заготовили.

В такой гроб положили Эмиля в его бедной одежке. Рано утром Эмилия и оставшийся старший сын Эйц, поехали на кладбище копать могилу. Дети выскочили к саням, помогли погрузить Эмиля. Эмилия помолилась, поплакали, потом она велела детям идти домой. Маленькие Адалина и Эрвин остались дома. Целый день голодные малыши ревели от горя и смотрели, смотрели, смотрели в окно. Уже вечер наступил. Сумерки опустились на землю, а Эмилии и Эйца всё нет и нет. Неужели ещё что-то случилось? Уже тёмная ночь за окном, а их всё нет. Наконец они приехали. Заплаканные малыши уже уснули на холодном подоконнике. Замёрзшая голодная и уставшая Эмилия давай печку топить. Дома холодно. Дети, не евшие весь день, держатся за юбку, не отпускают. Эмилия стала готовить что Бог послал, а сил нет, упала бы и уснула, но нельзя. Бог даст силы, выстоит и в этот раз. Эйц повёл на конюшню бедную окоченевшую лошадь. Пока распряг, пока вернулся – полночь.

Целый день Эмилия с сыном долбила на кладбище мороженую землю. Но так и не выдолбили могилку. Они уже хотели выкопать яму глубиной с гроб, чтоб он хоть в земле был. Топором и ломом долбили и долбили... Искры летят, а ничего не отламывается. Лопата вообще не берёт, руками выгребали мороженые куски. Гранит – не земля. Сил нет больше, а уже Темнеет. Придётся видно так гроб оставить, снегом завалить, да жалко – собаки растащат. Стала Эмилия молиться да причитать, просить Бога о

помощи. Вдруг смотрят: в сумерках едет на санях коми-охотник из леса.

– Что вы тут делаете ночью? – удивился он.

– Да вот! Мужа хороню, – ответила усталая Эмилия.

Хорошего человека Бог послал. Он подошёл, скинул шубу. Как он начал долбить, рубить, колоть мороженую землю. Сила-то в нём мужская! Костёр развёл, землю отогрел, сами отогрелись.

Выкопал он могилку глубиной метр с небольшим, так, чтобы гроб можно было закопать. Ночь опустилась и гроб опустили в могилу при звёздах. Закидали всё мороженой землёй как камнями. Засыпали сверху снегом, да так и оставили. Вот будет лето, если будем живы, тогда всё и сделаем, придём всей семьёй и поправим могилку.

– Спасибо тебе, добрый человек, за помощь, – сказала Эмилия и опять заплакала.

– Дома-то кто-то ещё остался? – спросил он.

– Вот этот сынок старший, а дома ещё двое голодных ждут. За год пятого хороню, – Эмилия заплакала навзрыд и стала молиться по-немецки. Незнакомец вздохнул, сходил к своей лошади, вытащил из сани подстреленного зайца и отдал Эмилии.

– Ну ладно, мне тоже пора. Не горюй, женщина. Всем теперь нелегко. У нас тоже беда. Похоронка с фронта пришла. Сына на войне убило. Жена ослепла от слёз. Мать при смерти. В других семьях то же самое. Где больше, где меньше. Кругом горе и слёзы. Бог даст всё пройдёт, всё обойдется, – сказал он и исчез в ночи.

– Спасибо, добрый человек! – крикнула в темноту Эмилия, прижала зайца к груди и тоже села в сани. Эйц крикнул лошади, и та с радостью рысцой побежала домой.

Так скромно похоронили Эмилия в деревне Усть-Нем, в Усть-Куломском районе, в Коми АССР. Сегодня наверное на тех местах и следов не осталось. Лес стоит.

От голода и холода постепенно почти все мужчины вымерли. Работать в лесу становилась некому. Умер Эмиль, и вместо него забрали на работу его дочь – Адалину. Вообще-то, там, где трудились немцы, механизированный труд исключался, но она была маленькая, щупленькая. её поставили пилить чурки на электропиле, чудо-технике того времени. Однажды, к вечеру, к ним пришёл какой-то доходяга, посмотрел на работающих детей, и сказал:

– Мужики мрут от такой работы. И вы, и мы, все здесь передохнем. Бегите отсюда, девчата! Вот ваше спасение, – он достал из кармана какую-то газету. Там была статья, что в Коми АССР, в город Сыктывкар, в посёлок Красный Затон, эвакуирован из Карелии Пиндушский судостроительный завод. Руководство завода разыскивает своих бывших рабочих, а также набирает людей, имеющих фабричные и строительные специальности для работы на заводе. Кто желает вернуться на завод, просят откликнуться. Потом приехали вербовщики. Старшая дочь Линда сразу завербовалась с Фрайганом на Краснозатонскую судоверфь и уехала в Сыктывкар. Там уже начинали работать Пиндушские станки и пилорама.

Комендант Липнитский был старый знакомый ещё по Карелии и относился к людям довольно хорошо. Линда работала на лесозаводе на навалке бруса. Женщины вручную грузили мокрый тяжёлый брус на сани или телеги, которые тянули лошади. Рабочих кормили в заводской столовой. Питались по талонам.

Новый посёлок расположился в 14-и километрах от Сыктывкара, столицы Коми АССР, на другой стороне реки Сысола. Из города добирались на теплоходе около часа. Посёлок располагался на красивом берегу большого озера Выль-ты, по-коми «Новое озеро», которое соединили с рекой каналом. Сюда собирался на ремонт и зимнюю стоянку весь речной флот со всех северных рек. В лёд вмерзало много колесных и винтовых пароходов, теплоходов, катеров, барж и шаланд. Здания в посёлке были в основном деревянные. Вдоль улицы тянулись деревянные тротуары.

Вначале образовалось два небольших поселка – Судоверфь и Затон. Приехало много народа и завод заработал на полную мощность. Пилорама пилили лес в три смены. Строили деревянные баржискотницы, давали пиломатериал фронту и строили себе жильё. Дома росли, как грибы. Многие, но не все, хотели завести своё хозяйство и строиться. Они не доверяли советской власти, боялись что, как только они заживут хорошо, опять всё отберут и сошлют ещё дальше. Но семьи помоложе вынуждены были строиться. Со временем, посёлки слились в один большой и красивый рабочий посёлок городского типа – Красный Затон.

Сразу за посёлком начиналась тайга, она кормила и обогревала. В конце лета все были на огородах или в лесу, копали картошку, собирали щавель, ягоды, грибы, мужчины охотились и рыбачили. Кто как умел создавал запасы на зиму.

Постепенно определилась основная промышленность. На базе Карельской пилорама возник лесозавод, а эвакуированная судоверфь переросла в Вычегодский судостроительный судоремонтный завод – ВССЗ. Затем образовался техучасток, который следил за руслом рек и земснарядами, углублял их фарватер. Позже организовали лесхоз, отдел рабочего снабжения (ОРС), ЖКО (жилищно-коммунальный отдел), больницу, профилакторий, школу, вечернюю школу, школу ФЗО, ГПТУ, готовившее рулевых мотористов и судовых поварих для речного флота. Открылся речной техникум, детские сады, ясли, магазины, клуб, кинотеатр на 400 мест, подсобное хозяйство.

Население посёлка, около 12000 человек, было многонациональным. Кроме коренных коми, здесь жили преимущественно люди, высланные по национальному и политическому признаку. Это были раскулаченные всех национальностей: русские, украинцы, финны, эстонцы; бандеровцы, власовцы, освободившиеся уголовники, вербованные и всякие другие. Люди подневольные, много пережившие, перестрадавшие, но трудолюбивые и послушные.

Среди них было много русских немцев, трудармейцев, спецпереселенцев и вечнопоселенцев. Они имели много общего и много различий. Все немцы имели вначале запрет на работу под крышей или навесом. Они находились под государственным, гласным, комендатурским надзором и обязаны были раз в месяц отмечаться у коменданта. Без письменного разрешения и сопровождающего НКВД запрещёно было удаляться дальше 15-и километров от места жительства. За самоволку давали 20 лет каторжных работ.

Спецпереселенцы и вечнопоселенцы различались ещё по одному признаку. Умершие вечнопоселенцы хоронились только в местах ссылки. Покойник, даже после смерти, оставался на месте ссылки под арестом и не освобождался от наказания. Смерть не освобождала от произвола власти имущих даже на том свете. Спецпереселенцы считались наказанными пожизненно. В случае смерти родственники могли забрать тело и похоронить со своей роднёй на кладбище в соседнем лесопункте, теоретически – на родине.

Сосланные жили тихо и покорно. Вольным было руководство и пароходские – экипажи судов. «Водоплавающие» в основном были вербованные, в посёлок также навевывалась лимендская и котласская шпана. Весной и осенью приезжие устраивали между собой многочисленные и жестокие кровавые драки. Шли стенка на стенку, экипаж на экипаж. Во многих заборах не хватало штакетников и кольев. Потом все разъезжались, уплывали, и опять становилось тихо. Летом в поселке мужчина на суше был редкостью. Все были на работе: кто на реке, кто на пароходах, кто на лесосплаве. Зимой, наоборот, посёлок оживал: пароходские были на берегу.

В конце января в Усть-Нембазе в контору вызвали Адалину и объявили, что её вместе с другими направляют на работу в Затон на лесозавод. Адалина очень боялась, что её туда не возьмут. Ей только что исполнилось 15 лет. Она была очень худая, хрупкая и маленькая. Если не возьмут на работу, не дадут продовольственные карточки и нечего будет есть. Голода боялись все – жили впроголодь. Люди старались вырваться из леса, из нищеты. Как выжить? Перешивать было нечего, и швейная машинка всё реже и реже строчила свои рисунки. Эмилия часто болела и ходить пешком с малыми детьми не могла. Из большой семьи они остались втроём: Эмилия, Эйц и маленький Эрвин.

Больные, малолетки и доходяги жили в лесу, в бараках. В феврале 43 года, 18 завербованных, взрослые и их дети, пошли в Затон пешком. Среди них была даже одна женщина с грудным ребёнком. Дорога неблизкая – 350 километров. Шли 18 дней, по 20 километров в день. Зима, холодно, одеты в лохмотья. Старая рваная одежда не грела. В пути голодали. Хлеб, который дали на дорогу, съели ещё на базе. Всю дорогу жили на милостьню. Шли из деревни в деревню с протянутой рукой. Никто не верил, что дойдут, но добрались. Когда пришли в Затон на завод, в отделе кадров им сказали, что так их не примут. Все должны были пройти ещё 14 километров – вымыться в бане, прожарить вещи и принести справку с печатью, что у них нет вшей, что-то наподобие медосмотра. Позже, всем выделили жильё и дали продуктовые карточки на 600 граммов хлеба и абонемент в котлопункт. На другое утро, прибывших поставили работать у станка. Работали много и тяжело, без выходных, по 12 часов в день. С 7 утра до 7 вечера. Заводской гудок звал на работу рано. Нормы были высокие. Денег не платили. Работали ради пайки, чтобы выжить.

В мае 45-го кончилась война. Люди радовались, обнимались, плакали от счастья. Спешили передать новость дальше. День превратился в стихийное, массовое гулянье, в сплошной праздник под открытым небом. Пожарные в духовом оркестре играли без устали и перекуров. Фронтвики-инвалиды с заплаканными глазами пили бражку.

По весне, сразу после ледохода, перебралась в Затон на большом колёсном пароходе «Пропагандист» и Эмилия с оставшимися детьми – Эйцом и Эрвином. Из вещей осталась только одна швейная машинка. Все поселились у старшей дочери Линды.

В одной комнате проживали Линда с мужем, Адалина, Эмилия, Эйц, Эрвин, три сестры Клят и Герта Вегерт – десять человек из разных семей. Из мебели были только нары, стол, сундуки и гвоздики на стенках.

Появилась надежда, стало легче дышать. Не было войны. Были под комендатурой, но обещали отменить карточную систему. В магазинах появился коммерческий хлеб, потом появился вольный. Зарплату стали выдавать деньгами. Люди потихоньку начали выпрямляться. Эмилия первое время пыталась шить на швейной машинке, но силы её были на исходе. В конце весны 47 года Эмилия заболела гнойным плевритом и слегла в постель. Врачи взяли анализы и отправили Адалину пешком в больничный городок, чтобы специалисты там дали заключение и установили диагноз. За ответом велели прийти через две недели. Через две недели врач спросил взволнованную Адалину:

– Вы кто ей будете? Чей это анализ?

– Моей мамы, – ответила Адалина.

– Вы не говорите ей, но она дольше двух недель не проживет, – сказал врач, сунул в руку бумажку с диагнозом и ушёл.

Лучше бы он этого не говорил! Адалина заплакала.

– Это же мать моя! Никого на свете нет у нас ближе. Как мы без нее жить будем?

Всю обратную дорогу проревела белугой. Едва различая дорогу добрела до дому, вызвала на улицу сестру Линду и объявила страшную новость. Обе ушли подальше от дома в лес и заголосили от надвигающего горя. Наплакались, умылись и пошли домой. Дома не смели показать свои слёзы, чтобы мать не догадалась. Ровно через две недели Эмилия умерла, она выглядела очень уставшей. До последней секунды была в здравом уме. Ей было всего 49 лет.

В июне было уже тепло. Похоронили её красиво. Одели её клетчатую кофточку, юбку. Гроб сделали из сухих строганных досок, в деревянный крест врезали надпись. Гроб украсили живой зеленью, полевыми цветами, венками из пихты. С работы выделили людей рыть могилу, первую на новом месте. Собрались родственники, друзья и Эмилию повезли за Затон, на кладбище. Похоронили буквально в четырёх метрах от дороги, так как люди всё ещё были обессиленные и не могли идти дальше в лес, корчевать и хоронить глубже. В холмик из песка зарыли новый сосновый крест. Черенком лопаты сделали крест на могильном холмике. Сверху обложили венками и цветами. Помолились. Земляки сказали много красивых слов, спели христианские песни. Поплакали и пошли обратно в Затон.

Через пару дней рядом с её могилкой сестры посадили берёзку, словно живой календарь.

Райнгольд Шульц, Германия. Гисен.